

Ю.П.Бондарь

Духовные славянские традиции и ценности в становлении белорусской государственности

*Ю.П.Бондарь, кандидат политологии, доцент,
первый проректор Белорусского
государственного университета культуры и
искусств*

Исторический опыт показывает, что государства, достигавшие высоких вершин экономического, политического и культурного развития на определенных исторических этапах, всегда обращались к объединяющим мировоззренческим идеям, выражающим в концентрированном виде цели, к которым стремится общество. Такого рода идеи впитывают в себя духовные ценности, значимые и понятные каждому человеку, вследствие чего они способны выступить в качестве мировоззренческого мобилизующего начала. Так, в свое время немецкая философия, разрабатывая категории абсолютного духа, единства мирового разума, рационального начала в развитии общества, выработала систему общенациональных ценностей, которые были реализованы политической практикой создания сильного германского государства из мелких княжеств. Становлению государственности в США также способствовало провозглашение идеологемы “американская мечта”, дополненной в период великой депрессии рузвельтовским “новым курсом”, а позже идеей “нового общества” вместе с системой долгосрочных программ борьбы с бедностью, расизмом, неграмотностью. Фундаментальная идея “мирового порядка”, которая со стороны других государств воспринимается как “мировое государство”, характерна для современного американского общества.

Наиболее привлекательными идеями нашего постсоветского существования стали идеи демократического государства с гарантированными нормами прав и свобод, разделением властей, установлением рыночных отношений в экономике, повышением роли политической активности граждан, устранением распределительных отношений, формированием подлинно гражданского патриотизма. В сознании современного белорусского гражданина созидается образ своего отечества как суверенного молодого государства с древними традициями, способного выполнить уникальную историческую миссию инициатора интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Следует признать, что такие ценности государства социалистического типа, как монополизм государственной формы собственности, однопартийность, некоторые коммунистические идеологемы, утратили свою значимость, оставаясь господствующими лишь среди определенных слоев общества. В этих условиях, несомненно, обостряется историческая память людей, актуализируется проблема обоснования обновленной системы ценностей, возникает особый интерес к духовным традициям прошлого, к глубинным истокам своей собственной истории. Какую же роль в этом процессе поиска системы ценностей могут сыграть славянские традиции духовной культуры?

Духовные традиции любого народа имеют чрезвычайно важное значение, обнажая истоки, корни соответствующей цивилизации, ее наследие. Аккумулируя опыт прошлого, они являются культурогенетическим кодом народа, запечатлевая его “черты вечности”, существуя вопреки переменчивому времени и всему исторически преходящему.

В иерархии духовных традиций и ценностей славянства можно выделить *общеславянские ценности*; *ценности восточного славянства* (наряду с другими типами регионального славянства – западного и южного); *духовные*

ценности национального славянства (русские, белорусы, украинцы и т.д.).

Проблеме *общеславянских духовных ценностей* уделял внимание В.Соловьев, пытаясь проникнуть в дух народа, выразить глубинные антиномии и напряжения славянского этноса. В славянской духовности (в отличие от западного образа мышления с его аналитической, холодной рациональностью) он видел сплав язычества (мифологизм), христианства (мудрость) и европейского мышления (рационализм). С точки зрения Н.Данилевского, менталитет славян в большей степени соотнесен с христианским идеалом. Славянству, по его мнению, свойствен дух свободы, хотя это стремление к свободе обусловлено умением и привычкой славянских народов повиноваться, наличием у них уважения и доверия к власти и отсутствием властолюбия.

Сравнивая общеславянские духовные ценности с менталитетом западного человека, исследователи называют такие традиционные качества славян, как святость и добродетель, коллективизм и соборность, веру в идеал, служение обществу, в противоположность таким ценностям, как агрессивность, уверенность в себе, умение владеть собой, прагматизм, характерным для западного общества. При исследовании общеславянских духовных ценностей в литературе часто подчеркивается некоторая их сопоставимость с западноевропейскими и американскими типами ментальности. Это позволяет выделить такие альтернативы, как христианская мудрость и рационализм, свобода и рабство, добродетель и агрессивность и т.п.

Не раз отмечалось, что формированию некоторых духовных ценностей общеславянства способствовали соответствующая природная среда, географическое положение, маятниковое положение между Востоком и Западом. В очерке “О власти пространств над русской

душой” Н.Бердяев отмечал это обстоятельство применительно к России, поскольку главные звенья становления духовного мира восточного славянства были заложены здесь. Географическое положение России, писал он, было таково, что русский народ принужден был к образованию огромного государства, размеры которого ставили народу почти невыполнимые задачи. Вся деятельность уходила на служение государству. Это наложило безрадостную печать на жизнь русского человека. Душа русского ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а, наоборот, порабощает ее. Из географической необъятности России Бердяев делает вывод о национальном характере русского человека, таких его чертах, как смирение, самосохранение, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности. Антиномичность русской души заставляет стремиться ее к безграничной свободе духа, скитанию и искательству, быть мятежной и жуткой в своей стихийности.

Несомненно, российский менталитет закладывал важные звенья духовного мира *восточного славянства*, представленного русскими, украинцами и белорусами, хотя, конечно же, нельзя все духовные ценности белорусов и украинцев сводить к российским. В эволюции духовных ценностей восточного славянства решающую роль сыграли такие исторические вехи, как формирование Киевской Руси, Московского княжества и Великого княжества Литовского, единого Российского и Советского государства (имея в виду некоторое отклонение существования западных белорусов в составе Польши), а также современная суверенность трех восточнославянских народов.

Формирование *духовных ценностей восточного славянства* связано с влиянием православно-византийского духовного наследия. Между гражданами Византийской империи, писал К.Леонтьев, были люди, которыми могли

бы гордиться все эпохи, всякое общество. Обладая глубокими знаниями, богатой культурой, высокими идеалами, такие люди трансплантировали византизм на почву восточного славянства. Благодаря братьям Кириллу и Мефодию были переданы не только вся сумма знаний, накопленная Византией и полученная ею в наследство от античной цивилизации, но и произошла передача ее исторического опыта, юридических и этнических норм, духовных ценностей. Образ жизни восточной ветви славянства, пережившего ордынское подневолье, тяжелый путь освобождения от него, жесткий режим московских правителей на фоне общеславянства все же отличался. Неустрашимость подобного наследия формировала такие черты ментальности восточного славянства, как стойкость к жизненным испытаниям и невзгодам, твердость душевной организации, готовность нести свой тяжкий крест перед лицом судьбы, особая преданность в сохранении христианских заветов. Наиболее показательным примером такого характера является Сергей Радонежский.

Наряду с общеславянскими духовными ценностями, ценностями восточного славянства в этой иерархии особую роль играют *ценности национального славянства* – русских, белорусов, украинцев, поляков и др. О ментальности русских как самой значительной части восточного, да и всего славянства, мы уже частично говорили. Здесь важно иметь в виду, что генезис русской этнокультурной общности объединил в себе такие компоненты, как исходный славянский, византийско-православный и ордынский (татаро-монгольский), что создавало особый характер русского человека.

Духовные ценности белорусов, несомненно, формировались в контексте восточнославянского менталитета, традиционно испытывая трудности существования между Востоком и Западом и осуществляя поиск собственного

пути развития. Белорусская ментальность впитала в себя и униатскую склонность к компромиссам, и героизм католицизма, и строгую воздержанность вместе с индивидуализмом протестантизма. Многие исследователи отмечают, что белорусы миролюбивы, для них нехарактерно чувство национального превосходства над другими национальностями. Говоря о толерантности белорусской нации, обычно выделяют такие черты, как рассудительность и поиск справедливости без насилия, стремление к разумному компромиссу, терпимость, чуткость, уважение людей с иным мировосприятием и стилем мышления.

Система ценностей белорусов формировалась под влиянием западно- и восточнославянской культур. Она имеет много общего с ценностями русского общества (с общеславянскими ценностями). В то же время для нее характерны свои особые, специфические черты. Общие ценности – коллективизм, стремление к справедливости, ориентация на общинно-коллективистские (евразийские), а не на индивидуалистические (западноевропейские) ценности существования. Для белорусов, как и для русских и украинцев, основным является не личность, а коллектив, общество с идеалами братской любви и солидарности. Формирование духовных ценностей белорусского народа во многом связано с влиянием православно-византийского духовного наследия.

Для белорусов характерными являются уважение права, законопослушание. Главные места в этой системе занимают толерантность (высокая степень национальной, расовой, конфессиональной и других видов терпимости), трудолюбие, бережное отношение к земле и дому. Толерантность белорусов связана не только с поликонфессиональной средой, но и выступает как жизненная необходимость поддержания сложного равно-

весия, баланса разнонаправленных сил и влияний, в сфере которых постоянно оказывался белорусский народ на протяжении своей истории. Исключительная любовь к родной земле, привязанность к родным местам, хозяйственность, бережливость, трудолюбие, преданность семье и семейно-родовая солидарность – характерные черты белорусов.

Сегодня приоритетными для белорусов становятся такие ценности, как белорусская государственность, культура, язык, ценности собственной истории, национальных традиций, обычаев, общечеловеческих идеалов добра, правды, справедливости, соблюдения прав человека.

Отмечается неоднородность белорусской ментальности в зависимости от местонахождения. Так, для Гродненщины и других районов Западной Беларуси, развивающихся под влиянием католической Польши, Литвы и протестантской этики Западной Европы, характерна индивидуализация жизни; в Полесье же преобладает культ сельской общины; в Белорусском Поозерье, граничащем с Россией, проявляется православная соборность.

В последнее время все чаще слышен призыв к *единению славян*, который зародился в глубине веков. Объединительная программа всех славян, т.е. восточных, южных и западных (европейских), католиков, православных и других, именуется *панславизмом*. Еще во времена Московской Руси, в царствование Алексея Михайловича, появились идеи и попытки такого объединения. Панславянские идеи поддерживал известный русский дипломат XVII ст. Афанасий Ордын-Нащекин, подчеркивая необходимость тесного союза с Польшей, призывая к объединению двух мощных государств и двух конфессий – католиков и православных. Позже, рассматривая различия исторических путей других славянских народов (болгар, сербов, чехов и др.), К.Леонтьев дополнил понятие

“славизм” понятием “славянства”, под которым понимал племенную совокупность славян. Сравнивая же исторический процесс в России и на Западе, он, как и Н.Данилевский, был убежден, что славянской России необходимы внутренняя сила, крепость организации и дисциплины, чтобы защитить свою независимость от европейского натиска. Дистанцируясь от Запада (испытывая “тяготение на почтительном расстоянии”), Россия в то же время должна в себя вобрать и некоторые западные тенденции.

О необходимости единения славян говорили и представители меньших славянских народов. Странниками единения славянства были, например, примыкавшие к протестантизму мыслители Великого княжества Литовского С.Будный, Л.Зизаний, М.Смотрицкий, католики из этого же княжества Я.Вислицкий, Н.Гусовский, Я.Длугаш и др.

Ближе к нашему времени начинает укрепляться более целостное, не ограниченное конфессиональными рамками представление о путях единения славян. Влиятельными центрами утверждения единства славянства были в разные времена такие города, как Охрид, Тырново, Киев, Новогрудок, Белград, Минск. Но наибольшее влияние имела Прага, которую называли “Славянскими Афинами”. В ней и состоялся в 1848 г. первый Славянский конгресс, сформировалась сильная школа ученых-славистов. Здесь, в Праге, проводились такие ответственные форумы, как Всеславянский съезд прогрессивных студентов (1908), I Международный съезд славянистов (1929) и, наконец, в 1998 г. Всеславянский съезд.

На рубеже XX–XXI стст. одновременно с интеграцией западноевропейских стран происходит процесс дезинтеграции славянского мира, сопровождающийся разрушением СССР, расчленением СФРЮ, Чехословакии.

Славянские духовные ценности как проявление особой человеческой цивилизации и ментальности исторически уникальны и во многом самодостаточны. В наши дни некоторого разъединения славян особенно актуально звучит призыв Н.Данилевского к мужеству, единодушию, твердой вере в величие славянских народов.

Ни для кого не является секретом, что процесс формирования единой глобальной космополитической цивилизации, о которой мечтал еще И.Кант, считая, что она будет представлять государство народов, устроенное по принципу всемирной федерации, в современных синергетических версиях модернизации видится как обустройство всего человечества по западной модели. В свете теории модернизации ведущее место в динамике человечества к универсалистским ценностям отводится Западу как локомотиву цивилизованного поворота, остальные же элементы синергетической планетной системы, в том числе и славянский мир, должны рационализировать свои традиционные ценности и жизнеустройство по западным стандартам. Резкая поляризация между индустриальным ядром и периферией, автоматическое превращение оставших в резервуар для сбыта товаров и услуг, производимых в техногенном ядре, вызывают тревогу не у представителей западной модели глобальной модернизации человечества, а лишь у тех лидеров, которые осознают последствия ориентации на западные ценности. Мир становится более поляризованным, и пропасть между богатыми и бедными становится все шире. Из 23 триллионов долларов США мирового ВВП 18 триллионов долларов США приходится на промышленно развитые страны и только 5 триллионов долларов США – на развивающиеся, хотя там проживает почти 80% населения мира. Перенос таких ценностей, по которым развивался западный социум, как индивидуализм, конкуренция, право

на выживание сильного, культ накопления, в традиционные общества дает печальные результаты.

Восточно-православному миру западными идеологами отводится важное место в стратегии противодействия самобытным цивилизациям. Свое отношение к иным типам цивилизации профессор американского университета Джона Гопкинса З.Бжезинский четко определил одним понятием – гегемония. “Гегемония стара, как мир, – пишет он, – однако современная гегемония Америки отличается стремительностью своего утверждения, своим глобальным характером, а также средствами своей реализации. В течение одного столетия Америка трансформировалась – не без динамики международного развития – из страны, изолированной в западном полушарии, в державу, беспрецедентную по своему влиянию и масштабам”. Если такие политики, как Г.Трумэн, Дж.Буш, Р.Рейган, гегемонию США выводили из ее военного и экономического могущества (“России следует показать железный кулак”, – заявлял в самом начале холодной войны против СССР Г.Трумэн), то З.Бжезинский добавляет ещё такой компонент, как культурная гегемония, выделяя при этом ее привлекательность среди молодежи. Развивая по сути дела известную концепцию С.Хантингтона о столкновении цивилизаций, он учит, что в возможном конфликте двух основных цивилизаций XXI в. – западной (атлантической) и конфуцианско-буддистской – восточно-православный регион необходимо использовать как противовес усилению исламского фактора и для недопущения “конфуцианско-мусульманской” связи.

Вместе с тем Бжезинский видит и трудности формирования из восточно-православной цивилизации противовеса конфуцианству и исламскому миру в том случае, если восточное славянство, восстановив свою мощь, может оторваться от Запада и установить тесные связи со

странами, способными играть роль цивилизационных или региональных центров: Турцией, Ираном, Китаем. По мнению западных стратегов, это может содействовать России в формировании оппозиции американской гегемонии не только в Евразии, но и в мире, учитывая фундаментальный потенциал восточного славянства в географической, политической, интеллектуальной и военной сферах. Восстановление “имперской мощи” восточного славянства не вписывается в антураж стратегии атлантизма, для чего и прорабатывается тактика расчленения восточного славянства на самостоятельные анклавы, а союз России и Беларуси с этих позиций рассматривается, по крайней мере, как нежелательный эксперимент.

Как ответит на этот вызов времени восточнославянский мир, как сохранить и умножить славянские духовные ценности и единство славян на рубеже веков, каковы приоритеты дальнейшего развития человечества? Эти вопросы призывают белорусский народ и современные славянские народы к их величию, мужеству и твердой вере в свою историческую миссию единения различных народов, национальностей, конфессий, культур в контексте становления собственной государственности и глобализации мировой истории.